„Пров 49

Пролетарии всѣхъ странъ, соединяйтесь!

С. ДИКШТЕЙНЪ

Кто чѣмъ живетъ

Русская типография „БУНДА“

1901

КТО ЧѢМЪ ЖИВЕТЪ „Пров 4

„Каждый человѣкъ живетъ своимъ трудомъ". Такъ-ли это?

На первый взглядъ это кажется дѣйствительно такъ. Посмотрите лишь, сколько объ этомъ писалось и говорилось въ газетахъ, въ журналахъ, въ книгахъ и даже церковныхъ проповѣдяхъ. При этомъ развѣ не кажется многимъ, что дѣйствительно сапожникъ живетъ своимъ сапожническимъ трудомъ, портной — портняжскимъ, учитель — учительскимъ, что каждый фабрикантъ тоже работаетъ, если не руками, то головой; а министры, короли и цари,— развѣ они не обременяютъ себя работой, подписывая различныя бумаги?

Но такъ-ли это на самомъ дѣлѣ? Каждый-ли человѣкъ живетъ своимъ трудомъ?

Вы удивитесь, пожалуй, когда я скажу, что ни одинъ человѣкъ не живетъ собственнымъ своимъ трудомъ, и не одни только цари и министри, не только фабриканты и купцы, но и весь рабочій народъ.

Если бы напр., сапожникъ не только шилъ сапоги, но и имѣлъ бы клочекъ земли, на которомъ сѣялъ бы хлѣбъ, садилъ бы овощи, если бы онъ самъ прялъ, ткалъ и шилъ себѣ одежду, если бы, однимъ словомъ, все, что ему необходимо, онъ вырабатывалъ бы дома, у себя, тогда только мы могли

бы сказать, что дѣйствительно онъ живетъ своимъ трудомъ.

И дѣйствительно, въ прежнія времена, нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ, когда каждый городъ имѣлъ достаточно своей земли, а каждый ремесленникъ, какъ обыватель города, имѣлъ права на эту землю, тогда ремесленники заготовляли все необходимое у себя, на своемъ клочкѣ земли и жили своимъ собственнымъ трудомъ.

Но теперь, какъ извѣстно, это не такъ. У ремесленника нѣтъ своей земли, и сапожникъ, напр. только и можетъ шить сапоги и ничего болѣе. А сапогами не наѣшься, ими не одѣнешься. Тоже можно сказать и о портномъ, о столярѣ, о каменьщикѣ и т. д. Портной не можетъ ни ѣсть, ни пить своихъ сюртуковъ, каменьщикъ не ѣстъ за обѣдомъ своихъ камней. А что сказать о царяхъ, министрахъ и тому подобныхъ людяхъ? Они не только на себя работать не умѣютъ, но и ѣсть сами не могутъ — все поднеси имъ ко рту.

Кто ещё скорѣе могъ бы сказать у насъ, что живетъ своимъ трудомъ, такъ это крестьянинъ. Онъ, по крайней мѣрѣ, самъ производитъ у себя дома хлѣбъ, молоко, иногда и одежду, хотя за послѣднее время все рѣже и рѣже, такъ какъ платья на базарѣ и красивѣе и форснстѣе.

А въ иныхъ странахъ даже и крестьяне не выдѣлываютъ у себя дома почти ничего изъ того, что имъ нужно для нихъ же собственнаго ежедневнаго обихода. Одни изъ нихъ приготовляютъ только вино, другіе сѣютъ только ленъ, третьи разводятъ

домы

только овощи и т. д. а все необходимое, какъ изъ пищи, такъ и изъ одежды покупаютъ на рынкѣ.

Итакъ вы видите, что никто, или почти никто не въ правѣ сказать, что живетъ собственнымъ трудомъ: сапожникъ живетъ трудомъ портного, каменьщика, столяра, крестьянина; портной—трудомъ сапожника, столяра, каменьщика и т. д. Всѣ люди живутъ не своимъ трудомъ, а чужимъ, трудомъ другихъ людей.

— Но вѣдь каждый изъ нихъ работаетъ, отвѣтите вы, каждый изъ нихъ ничего не имѣлъ бы, если бы не работалъ

Это вѣрно: потому-то мы и не скажемъ, что всѣ люди живутъ собственнымъ трудомъ, но что они собственнымъ трудомъ *содержатъ себя*.

— Да развѣ не все равно жить своимъ трудомъ и содержать себя имъ?

Нѣтъ, не все равно, и вотъ почему. Если бы сапожникъ, портной, земледѣлецъ и всѣ прочіе люди дѣйствительно жили своимъ трудомъ, если бы, какъ это было прежде, они заготовляли все необходимое у себя на дому, то каждый изъ нихъ могъ быть увѣренъ, что хотя положеніе его не всегда будетъ одинаково, но съ голоду онъ не умретъ и какъ-нибудь да вывернется.

Теперь же сапожникъ шьетъ только сапоги, онъ заготовляетъ ихъ столько, сколько можетъ, чтобы потомъ продать, какъ всякій иной товаръ. Если найдется купецъ - хорошо; сапожникъ продастъ сапоги и на вырученныя деньги купитъ себѣ все необходимое. А если не продастъ? Что тогда? Развѣ

накормитъ онъ дѣтей своими сапогами? Развѣ заплатитъ онъ ими подати, развѣ возвратитъ долгъ свой ростовщику или банкиру и т. п.?

Теперь вы видите, что *содержать себя* собственнымъ трудомъ и *жить* собственнымъ трудомъ — не одно и тоже.

Пока люди приготовляли все нужное у себя дома, пока они мало продавали своихъ товаровъ, до тѣхъ поръ можно было сказать, что они живутъ своимъ трудомъ; но съ того времени, какъ люди стали выдѣлывать сапоги, замки, одежду и т. п. на продажу, они стали меньше работать дома на себя, и больше на другихъ. И вотъ теперь варшавскій сапожникъ сталъ шить башмаки для русскаго ремесленника; русскій ткачъ сталъ работать надъ станкомъ для варшавскаго сапожника; американскій колонистъ запасается хлѣбомъ для англійскихъ рабочихъ, англійскіе же рабочіе стали снабжать желѣзными и стальными издѣліями варшав. работниковъ.

Слѣдовательно, съ того времени, какъ установилось производство на сбытъ, на продажу, — никто не работаетъ на себя, никто не живетъ собственнымъ трудомъ, но трудомъ чужимъ, трудомъ другихъ людей.

II.

— Хорошо. Никто, значитъ, не живетъ, а всѣ только содержатъ себя своимъ трудомъ; это должна быть несомнѣнная правда.

Но и это еще не совсѣмъ правда. Много можно было бы прибавить къ этому. Но пока положимъ,

что есть большая доля правды въ томъ, что каждый содержитъ себя своимъ собственнымъ трудомъ.

Но почему же именно *трудомъ*? Потому что когда кто-нибудь продаетъ свое издѣліе, будь это сапоги или платье, посуда или ножи, то его товаръ цѣнится по труду и платятъ ему сообразно съ трудомъ. Поясникъ это подробнѣе. Положимъ, что сапожникъ работалъ надъ сапогами цѣлый день, получилъ за это 10 аршинъ полотна. Въ предположеніи этомъ нѣтъ ничего необыкновеннаго: работалъ, а за то получилъ полотно. Но представьте себѣ на минуту, что есть на свѣтѣ такая счастливая страна, гдѣ сапоги падаютъ съ неба. Такой страны нѣтъ, но если бы и была, то какъ вы думаете, много-ли въ ней платили сапожнику за сапоги? Конечно —ничего. Люди говорили бы, что за сапоги ничего не нужно платить, что *не стоятъ они труда*, и что, слѣдовательно, каждый можетъ ихъ имѣть; нашъ сапожникъ, чтобы не умереть съ голоду, долженъ былъ бы взяться за иную работу.

Хотя у насъ сапоги на деревьяхъ и не растутъ, но есть много такихъ вещей, за которыя ничего нельзя получить, которыя ничего не стоятъ, потому только, что на нихъ вовсе не потно труда. Ни за воду изъ источника, ни за песокъ въ рѣкѣ никто ничего не платитъ, потому что не нужно тратить труда на то, чтобы ихъ добыть, потому что они были готовы раньше, чѣмъ человѣческій трудъ былъ къ нимъ приложенъ.

Но за то, чѣмъ больше вещь заключаетъ въ себѣ человѣческаго труда, тѣмъ больше, какъ то-

ворятъ, содержитъ она *стоимости*, тѣмъ больше за нее дадутъ. За аршинъ полотна дадутъ больше, чѣмъ за аршинъ коленкору. Почему? Потому что аршинъ коленкору скорѣе и легче сработать, потому что въ него надо вложить меньше труда, чѣмъ въ аршинъ полотна. Золотая цѣпочка дороже стальной. Почему? Потому-ли что золото лучше блеститъ, что оно тяжеле? Нѣтъ, стальная цѣпочка можетъ блестѣть и вѣсить столько же, сколько и золотая, но золото труднѣе достается: необходимо много труда, чтобы его достать изъ земли, и, слѣдовательно, въ золотой цѣпочкѣ заключается больше труда, чѣмъ въ стальной.

Поэтому-то, когда ремесленнику, сапожнику, портному или пекарю платятъ за сапоги, сюртукъ или хлѣбъ, то въ дѣйствительности имъ платятъ за трудъ, который заключается въ этихъ сапогахъ, этомъ сюртукѣ, этомъ хлѣбѣ. Если для приготовленія булки потребуется 1 ч. времени, а для того, чтобы сшить пару сапогъ 10 ч., то за пару сапогъ можно получить 10 булокъ; ибо трудъ, заключающійся въ сапогахъ (или, какъ говорятъ, стоимость сапогъ) въ 10 разъ больше труда, заключеннаго въ хлѣбѣ (или стоимости хлѣба*).

Если за аршинъ сукна платятъ серебряный рубль, то это потому, что на выработку сукна (т. е. на уходъ за овцами, на стрижку шерсти, на окраску сукна) потребуется столько же труда, сколько

*) Если бы васъ спросили, какова стоимость стакана, сапоговъ, платья, то вы могли бы отвѣтить, что стоимость ихъ есть трудъ, вложенный или заключенный въ этомъ стаканѣ, сапогахъ, платьѣ

и на выдѣдку одного серебряннаго рубля (на отыскапіе серебра, на его привозъ, переплавку и т. д.), напр., 10 час. За аршинъ коленкора платимъ только гривенникъ, потому что на выработку его (на посѣвъ хлопка, на тканье, на окраску) пошло не 10 час., а всего лишь 1 часъ.

Вотъ почему можно говорить и писать, что сапожникъ, портной, столяръ, слесарь, вообще работникъ содержитъ себя своимъ *трудомъ*. Всѣ они заготовляютъ различныя вещи; вещи эти, какъ товаръ, доставляются на продажу и за нихъ платятъ какъ разъ столько, сколько заключается въ нихъ труда.

Итакъ, слѣдовательно, чѣмъ больше какой-нибудь ремесленникъ работаетъ, чѣмъ больше онъ влагаетъ труда въ товаръ, тѣмъ больше онъ вкладываетъ своимъ трудомъ въ него стоимости, тѣмъ больше онъ получитъ при продажѣ, тѣмъ лучше ему заплатятъ за товаръ. *)

—Вотъ видите-ли, могутъ мнѣ сказать теперь. Вы взялись-было сказать что-то такое, что фабриканты и напиматели утаиваютъ отъ насъ, а теперь сами говорите тоже, что и они, а именно: кто больше работаетъ, тотъ больше и получаетъ.

Но подождите, не спѣшите съ упреками, а выслушайте меня. Выше я сказалъ, что чѣмъ больше ремесленникъ вкладываетъ труда въ товаръ, тѣмъ больше онъ за него получаетъ. Сапожникъ за башмаки съ двойными подошвами, хорошо сработанные, получитъ больше, чѣмъ за башмаки дурно сшитые.

*) См. примѣчаніе.

Все это вѣрно. Но чтобы нашъ сапожникъ могъ шить башмаки, ему нужна кожа, орудія, мастерская, а все это стоитъ денегъ. Слесарь, если хочетъ заготовить замки, также долженъ нанять мастерскую, купить инструменты, жить извѣстное время, пока не продастъ своихъ замковъ. А на это опять нужны деньги. У кого есть деньги, тому ничего: устроитъ мастерскую, будетъ изготовлять товары, а потомъ будетъ ихъ продавать сообразно съ ихъ стоимостью, т. е. сообразно съ трудомъ, въ нихъ вложеннымъ. Но какъ быть тому, у кого нѣтъ денегъ, кто не можетъ открыть мастерской, кто не можетъ производить никакихъ товаровъ, не имѣя для этого ни матеріаловъ, ни орудій? Что дѣлать человѣку, который, какъ это часто бываетъ, не имѣетъ и не можетъ имѣть ни отъ кого помощи, а между тѣмъ долженъ жить, ѣсть, пить, одѣваться? Въ настоящее время, чтобы купить что-нибудь на рынкѣ, пищу-ли, одежду-ли, необходимо имѣть либо деньги, либо товаръ на продажу. У нашего работника денегъ нѣтъ, товаровъ имѣть онъ не можетъ, слѣдовательно, чтобы ѣсть, онъ долженъ продавать себя, долженъ стать наемникомъ, невольникомъ, долженъ наниматься на работу.

— Какъ это такъ — «продать себя», «сдѣлаться невольникомъ»? Вѣдь работа на фабрикѣ, работа у мастера еще не неволя. Какъ мастеровой, такъ и фабричный рабочій — народъ вольный, работаетъ, у кого хочетъ и сколько хочетъ, и никто не имѣетъ права ему приказывать.

Знаемъ мы эту свободу! Знаемъ, какъ мас-

теръ помыкаетъ мастеровыми, знаемъ, какъ на фабрикахъ тысячи рабочихъ должны кланяться и унижаться передъ всякимъ послѣднимъ писаремъ! Развѣ смѣютъ они громко заявить о своихъ правахъ, отвѣтить на грубость грубостью? Развѣ они смѣютъ возразить что-нибудь фабриканту, когда тотъ понижаетъ плату или урѣзываетъ отъ недѣльнаго заработка? Нѣтъ, не смѣютъ, потому что они невольники и знаютъ, что если фабрикантъ не стоитъ за ними съ кнутомъ, то стоитъ за ними голодъ, который страшнѣе кнута.

Человѣкъ, который продаетъ свой трудъ, не можетъ быть свободенъ: онъ долженъ имѣть господина и дѣйствительно имѣетъ его. Свободны только люди, которымъ нѣтъ надобности продавать себя. А такой свободы трудно теперь добиться. Работникъ идетъ на фабрику, потому что долженъ идти, такъ какъ не имѣетъ собственнаго матеріала и орудій, онъ повинуется фабриканту, потому что не можетъ не повиноваться, потому что у фабриканта есть два сильныхъ помощника: во первыхъ, правительство и войско, а во-вторыхъ, голодъ, который угрожаетъ рабочему на случай безработицы. Трудно вести борьбу съ такими врагами, еще труднѣе побѣдить ихъ: впрочемъ, правда и то, что работники у насъ до сихъ поръ почти и не пробовали бороться.

III.

— Невольникъ или не невольникъ, — это въ сущности все равно, возразите вы мнѣ. Дѣло не въ томъ, кто —невольникъ, кто—человѣкъ свободный,

а въ томъ, правда-ли, что каждый можетъ собственнымъ трудомъ пріобрѣсти себѣ богатство. И опять я скажу вамъ, — не торопитесь, дойдемъ и до этого; надо же все разобрать, какъ слѣдуетъ.

Всякій работникъ, будь онъ слесарь, столяръ, портной или сапожникъ, идетъ продавать себя, если не имѣетъ ни денегъ, ни орудій, ни мастерской для работы на дому. Рано или поздно онъ находитъ, наконецъ, фабриканта или мастера, который его покупаетъ.

Почему же онъ его покупаетъ? Потому-ли, что ему понравилась наружность рабочаго? Нѣтъ. Потому-ли, что онъ сжалился надъ нимъ и хочетъ помочь ему въ бѣдѣ? Опять-таки нѣтъ. Покупаетъ онъ его, зная, что работникъ умѣетъ и можетъ управлять станкомъ, ковать молотомъ, точать подошвы, однимъ словомъ, потому, что *онъ умѣетъ работать*.

Покупая его, мастеръ или фабрикантъ думаетъ единственно о силѣ и умѣніи работника. Не будь у него этой силы, фабрикантъ не взялъ бы его даромъ. Ему нужна только рабочая сила. Весь вопросъ для него въ томъ, сколько заплатить за эту силу; въ томъ вся задача. Не трудно понять, сколько надо заплатить за стаканъ, за корзину, за пару сапогъ и т. д. Опредѣляется это количествомъ часовъ труда, потраченнаго на выдѣлку этихъ вещей. Допустимъ, что на приготовленіе стакана потрачено полъ-часа труда, на изготовленіе пары сапогъ—10 ч., на изготовленіе тарелки—1 часъ. Допустимъ, что у насъ обыкновенно за часъ работы

платятъ 10 коп. (потому что въ серебрянномъ гривенникѣ тоже 1 ч. труда). Не трудно теперь найти, что стоитъ стаканъ. Если на него пошло полъ-часа труда, то значитъ, онъ стоитъ половину гривенника или 5 коп. Если на сапоги пошло 20 ч., то они стоятъ 20 гривенниковъ или 2 рубля; если на тарелку употреблено 1 ч., то она стоитъ гривен.

Но какъ опредѣлить, сколько стоитъ человѣкъ, сколько заплатить за его силу. Да и хорошо-ли оцѣнивать человѣка какъ товаръ?

Хорошо или нехорошо, — это другой вопросъ; но такъ теперь дѣлается: сила человѣка оцѣнивается какъ товаръ. Допустимъ же, что рабочій, т. е. его рабочая сила покупается на одинъ день. Допустимъ далѣе, что этотъ работникъ, чтобы жить и работать, чтобы поддерживать свою рабочую силу, долженъ получать ежедневно 60 коп., которыя онъ затрачиваетъ (на ѣду, жилище, одежду и т. д.), чтобы возстановить свои силы; въ такомъ случаѣ мы можемъ сказать, что рабочая сила стоитъ 60 к. или 6 час. труда*) (если гривенникъ имѣетъ ту же стоимость, что и 1 часъ труда).

Фабрикантъ отлично знаетъ, что рабочая сила стоитъ 6 час. труда, т. е. столько, сколько стоитъ 6 тарелокъ или 12 стакановъ, и платитъ, поэтому работнику за его силу, какъ за товаръ, стоющій 60 копеекъ.

Итакъ, *работникъ всегда получаетъ за свою*

*) Нужно помнить, что стоимость рабочей силы равняется столькимъ часамъ работы, сколько требуется на поддержаніе жизни рабочаго.

рабочую силу столько, сколько ему необходимо нужно на его скудное содержаніе.

Теперь еще разъ вернемся къ нашему вопросу: зачѣмъ фабрикантъ покупаетъ рабочую силу? --Зачѣмъ продастъ ее рабочій -- это понятно: къ этому вынуждаетъ его голодъ, который сильнѣе врожденнаго всякому человѣку чувства свободы, сильнѣе стыда.

Итакъ, зачѣмъ же фабрикантъ покупаетъ рабочую силу? Для забавы? Нѣтъ. Такъ зачѣмъ же? Затѣмъ, чтобы получить прибыль, затѣмъ, чтобы обогатиться «собственнымъ трудомъ», какъ онъ любитъ выражаться. Выяснимъ это на примѣрѣ. Допустимъ, что кто-нибудь открылъ хлопчатобумажную фабрику Положимъ, что хлопка куплено на 1400 руб., машинъ на 80 руб., газу и всего прочаго израсходовано на 24 руб., и что фабрика пущена въ ходъ. Какъ вы думаете, почему фабрикантъ открылъ фабрику? Очевидно потому, что желаетъ продать пряжу дороже, нежели заплатилъ за хлопчатую бумагу, машины и проч. Очевидно, когда онъ получитъ изъ хлопчатой бумаги пряжу, то не продастъ ее за 1504 руб., но захочетъ получить, положимъ, 2000 руб.*) Но желать -- еще не достаточно, нужно дѣйствительно получить 2 000 руб. а получитъ-ли онъ ихъ -- это еще вопросъ. Если бы могло совершиться такое чудо, что машины пряли

*) 1504 *руб есть общая сумма его издержекъ въ этомъ примѣрѣ.* 1400 *р. стоитъ хлопокъ,* 80 *р машины,* 24 *р. газъ и проч , итого* 1504 *руб.*

бы хлопчатую бумагу безъ помощи работниковъ и если бы нашъ фабрикантъ принесъ свою пряжу куп цу и пожелалъ получить 2 000 руб., то купецъ отвѣтилъ бы ему просто такъ: въ твоей пряжѣ есть, во-первыхъ, стоимость хлопчатой бумаги, т. е. 1400 руб., затѣмъ стоимость машинъ или 80 р. и, наконецъ, стоимость угля, газа и проч., или 25 р., всего вмѣстѣ стоимости на 1504 руб., ни больше ни меньше, и ни гроша сверхъ того я тебѣ не дамъ. Не знаемъ, понравился-ли бы фабриканту такой отвѣтъ. Знаемъ только, что до сихъ поръ машины сами работать не могутъ, и что, къ счастью для фабрикантовъ, при машинахъ долженъ работать человѣкъ. Понимая это, фабрикантъ нанимаетъ, положимъ, 100 рабочихъ и платитъ имъ за рабочую силу, какъ за товаръ, по 60 к. въ день.

Работникъ, нанятый за 60 к. въ день, очищаетъ хлопчатую бумагу, прядетъ, дѣлаетъ мотки и т. п., однимъ словомъ, работаетъ, вкладывая въ хлопчатую бумагу свой трудъ. Послѣ перваго часа онъ вложитъ только одинъ часъ труда или повыситъ ея стоимость на 10 к. (если часъ труда стоитъ 10 к.), послѣ двухъ часовъ, онъ возвышаетъ ея стоимость на 20 к., послѣ трехъ часовъ — на 30 к. и т. д., наконецъ, послѣ шести часовъ труда стоимость повысится на 60 к., ровно на столько, сколько фабрикантъ заплатилъ за его рабочую силу. Итакъ, послѣ 6 часовъ труда работникъ совершенно отработаетъ свою плату. Такъ работаетъ онъ цѣлую недѣлю, по истеченіи которой фабрикантъ забираетъ пряжу и несетъ ее на рынокъ,

желая снова получить 2000 рублей.

— Сколько хочешь за пряжу? 2000 руб.? — говоритъ купецъ — это слишкомъ много! Развѣ ты думаешь, что въ твоей пряжѣ дѣйствительно заключается стоимости на 2000 руб.? Гдѣ тамъ! Посчитаемъ вмѣстѣ. Въ пряжѣ заключается стоимость хлопчатой бумаги на 1400 руб., стоимость машины на 80 руб., стоимость угля и газа на 24 руб и стоимость рабочей силы на 360 р. (если въ теченіи недѣли роботали сто рабочихъ 6 дней по 6 часовъ въ день, съ платою по 10 к. въ часъ: 6. 6. 100. 10 равно 360 руб.) или всего вмѣстѣ въ пряжѣ заключается стоимости на 1864 руб. Могу, слѣдовательно, дать тебѣ лишь 1864 руб. и ни гроша больше. — Какъ такъ! Значитъ, я ничего не выигралъ? Вѣдь я самъ истратилъ 1864 руб. Гдѣ же мой доходъ? Зачѣмъ же я открывалъ фабрику? что она мнѣ принесла?

Къ чему вся эта комедія? Дѣйствительно, доходу бы не было, если бы нашъ фабрикантъ не напалъ на мысль оставлять своихъ работниковъ, отработавшихъ за свою плату шесть часовъ, работать на фабрикѣ болѣе продолжительное время.

— Какъ же — могли бы сказать работники фабриканту — ты заставляешь насъ работать дольше, а вѣдь всякій изъ насъ уже отработалъ свою плату; мы вѣдь уже доложили къ хлопчатой бумагѣ столько стоимости, сколько стоитъ наша раб. сила.

— Что вы тамъ разсуждаете? Я вашу рабочую силу купилъ на цѣлый день, а не на шесть часовъ и могу съ вами дѣлать въ этотъ день, что хочу

Не разсуждать, а работать!

И работники, которые послѣ 6 час. труда должны были бы оставить фабрику, пойти отдохнуть или работать на себя, остаются дольше и работаютъ еще 6 час. Фабрикантъ выдаетъ имъ новый матеріалъ, и дѣло улаживается. Послѣ каждаго часа своего труда работники добавляютъ къ этой новой хлопчатой бумагѣ новую стоимость, и послѣ 6 час. труда каждый изъ нихъ добавитъ 6 час. стоимости. Понятно, что эта новая стоимость уже ничего не стоитъ фабриканту — она совершенно даровая. Одинъ работникъ, трудясь шесть ч., добавляетъ, такимъ образомъ, 6.10 коп. (если 1 ч. труда стоитъ 10 к.) или 60 к. стоимости. Сто работниковъ добавятъ въ 1 день въ сто разъ болѣе или 60 руб., а въ недѣлю, работая 6 дней, они положатъ еще въ шесть разъ болѣе, или 360 руб. новой стоимости. Если теперь нашъ фабрикантъ захочетъ продать эту часть своей пряжи*), то сколько онъ за нее получитъ? Очевидно, что опять 1864 р., потому что въ пряжѣ будетъ заключаться стоимость новой хлопчатой бумаги на 1400 руб., стоимость новыхъ машинъ на 80 р., стоимость угля и газа на 24 р. и, наконецъ, стоимость 360 час. труда, полученныхъ имъ отъ рабочихъ даромъ. Теперь фабрикантъ уже охотно уступитъ за эту цѣну свою пряжу, ибо она стоила ему не 1864 руб., а лишь 1504 р. (1400 р. за хлопчатую бумагу, 80 р. за машины, 24 р. за уголь и газъ, всего 1504 руб.). Теперь уже очевидно, производство принесло доходъ.

*) Т. е. часть, сработанную въ добавочные часы.

Сдѣлаемъ теперь окончательный счетъ. Нашъ фабрикантъ выдалъ на хлопчатую бумагу 2 раза по 1400 р., т. е. 2800 р, два раза по 80 р. на машины, т. е. 160 р., 2 раза 24 р. на уголь и газъ, т. е. 48 р., и заплатилъ рабочимъ 360 р. или выдалъ всего на все 3368 руб. Получитъ же онъ за первую половину пряжи 1864 р., за другую тоже 1864 р. или за всю пряжу 3728 р., значитъ, прибыли у него 360 р. (3728—3368 равно 360).

Откуда же взялась эта прибыль? Очевидно, она явилась потому, что фабрикантъ ничего не заплатилъ работникамъ въ другую половину дня, потому что работники вторую половину своего труда отдали ему даромъ, потому что кромѣ 3600 час. оплаченнаго труда работники добавили къ хлопчатой бумагѣ еще 3600 часовъ неоплаченнаго, прибавочнаго труда, или какъ говорятъ, 3600 ч. прибавочной стоимости*).

Теперь мы знаемъ, зачѣмъ фабрикантъ нанимаетъ работниковъ. Затѣмъ, чтобы съ ихъ труда имѣть доходъ, чтобы получить съ нихъ прибавочную стоимость. Съ чего же, значитъ, нашъ фабрикантъ получаетъ свой доходъ? Съ собственнаго труда? Очевидно, нѣтъ. Слѣдовательно, съ чужого? Да, и именно съ труда рабочихъ.

Рабочіе трудятся на себя только половину дня, а другую половину — на фабриканта. Полжизни ра-

*) Слѣд., что же такое прибавочная стоимость? Это та стоимость, которую рабочіе добавляютъ къ вырабатываемому товару, уже послѣ того, какъ они отработали свою рабоч. плату, это — неоплаченный трудъ работника.

бочіе работаютъ для себя, для своей семьи, для своихъ, а другая половина жизни идетъ на то, чтобы фабрикантъ могъ имѣть доходъ со своей хлопчатой бумаги, чтобы могъ получать прибавочную стоимость.

То, что мы сказали объ одномъ фабрикантѣ хлопчатой бугмаги, можно сказать о всѣхъ мастерахъ и фабрикантахъ на свѣтѣ. Всѣ они покупаютъ работниковъ, всѣ покупаютъ *рабочую силу* только для того, чтобы имѣть прибыль съ ихъ *труда*, чтобы заставить работать ихъ дольше, чѣмъ слѣдовало бы, чтобы, такимъ образомъ, обогатить себя.

IV.

Вы, конечно, согласитесь съ тѣмъ, что я только-что вамъ разсказалъ. Одно только могли бы вы возразить, что примѣръ съ хлопчатобумажной фабрикой не совсѣмъ правоподобенъ. Гдѣ и когда слыхано, чтобы машины стоили только 80 р. или хлопчатая бумага только 1400? — Совершенно вѣрно. Числа, приведенныя въ этомъ примѣрѣ, выбраны только для того, чтобы легче выяснить, что такое прибавочная стоимость. Теперь я вамъ приведу примѣръ изъ жизни, и числа будутъ такъ вѣрны, что никто не сможетъ ничего возразить.

Въ Англіи, какъ каждому извѣстно, обрабатывается громадное количество хлопка*). Уже издавна тамъ существуютъ огромныя паровыя фабрики, издавна уже работники перестали тамъ работать на себя, а должны продавать свой трудъ, становясь

*) Въ 1873 году въ Англіи обработано 1264 милліона фунтовъ хлопка съ помощью 33 съ половиной милл. веретенъ.

обыкновенными наемниками, давно уже они терпят и нужду и голодъ. За то богатѣютъ фабриканты. Такъ вотъ положимъ, что одному изъ такихъ фабрикантовъ хлопчатой бумаги содержаніе фабрики и все производство стоило 134,250 р. въ годъ, а по истеченіи года онъ продалъ свою пряжу и получилъ за нее 159,000 р. Значитъ, прибыли онъ получилъ 24,750 р. (159,000—134,250 равно 24,750) или 18 процентовъ. Вы знаете, конечно, что это еще не очень большая прибыль, такъ какъ у насъ есть фабрики, напр., свеклосахарные заведы, которые даютъ 40, 50 и болѣе проц. прибыли. Посмотримъ, откуда нашъ фабрикантъ получаетъ эту прибыль. Для большей ясности разсчитаемъ, сколько тратитъ онъ на производство въ недѣлю.

На его фабрикѣ 10000 веретенъ, движущихся посредствомъ пара. Одно веретено (конечно съ помощью работника) можетъ дать 1 фунтъ пряжи въ недѣлю. Веретенъ 10000, слѣдовательно, на фабрикѣ приготовляется въ недѣлю 10000 фунт. пряжи. Но чтобы получить 10000 ф. пряжи, надо купить хлопчатой бумаги болѣе, чѣмъ 10000 фунт., потому что при работѣ всегда пропадаетъ нѣкоторая часть ея, въ видѣ отброса. На нашей фабрикѣ приходится покупать 10600 ф. хлопчатой бумаги, такъ какъ 600 ф. пропадаетъ при производствѣ. Фунтъ хлопчатой бумаги въ 1871 году въ Англіи стоилъ 19½ коп., а слѣдовательно, на 10600 ф. хлопчатой бумаги надо истратить 10600 разъ болѣе, т. е. 2067 р.

Чтобы изъ этой хлопчатой бумаги получить пряжу, необходимы машины, различный вспомога-

тельный матеріалъ и рабочій трудъ. Машины, т. е. веретена вмѣстѣ съ паровой машиной стоятъ 60000 руб. Но разъ купленныя машины не изнашиваются сразу, а могутъ служить лѣтъ десять; поэтому, ежегодная трата на машины не будетъ 60000 р., а въ 10 разъ меньше, т. е. 6000 р., а еженедѣльная трата (если въ году 50 рабочихъ недѣль) въ 50 разъ меньше, т. е. 120 р. Далѣе, для машинъ необходимъ каменный уголь (для нагрѣванія котловъ), масло (для смазки колесъ), газъ (для освѣщенія фабрики) и т. д. На уголь въ нашей фабрикѣ еженедѣльно выходитъ 24 р. 60 к., на газъ—6 р. За наемъ помѣщенія фабрикантъ платитъ еженедѣльно 36 р. Весь еженедѣльный расходъ на хлопчатую бумагу, машины, уголь, газъ, масло, квартиру и т. п. будетъ равняться 2284 р. 50 к. Однако, весь этотъ матеріалъ ничего не даетъ, если не приложить къ нему рабоч. рукъ. Поэтому, фабрикантъ нанимаетъ 135 рабочихъ (каждый изъ нихъ наблюдаетъ за 74 веретенами) и платитъ имъ за ихъ рабочую силу столько, сколько нужно на ея произведеніе или на продовольствіе работника (на пищу, одежду, помѣщеніе) допустимъ, по 2 р. 25 к. въ недѣлю. Всѣмъ работникамъ въ недѣлю будетъ выдано 303р. 75 к.

Если бы работники работали только для себя, т. е. если бы они отдавали фабриканту столько труда, сколько сами взяли отъ фабриканта въ видѣ рабочей платы, то было бы очень легко высчитать, сколько должны стоить выработанные ими въ теченіи недѣли 10000 фунт. пряжи. И дѣйствительно, въ этой пряжѣ должны заключаться: 1) стоимость

хлопчатой бумаги — 2067 р., 2) стоимость машин — 120 р., 3) стоимость угля — 24 р. 60 к., 4) стоимость масла — 24 р. 60 к., 5) стоимость газа — 6р. 6) стоимость помѣщенія 36 р., 7) плата рабочим — 303 р. 75 к. Всего вмѣстѣ 2587 р. 50 к., а один ф. въ 10тыс. разъ меньше или приблизительно 26 к.

Между тѣмъ, нашъ фабрикантъ за ф. пряжи получитъ не 26 к., а 31 и 5-ть 8-хъ к., а за 10тыс. ф. пряжи—3162 р. 50 к., т. е. на 575 р. болѣе (3162 р. 50 к. — 2587 р. 50 к. равно 575 р.), чѣм мы высчитали. Если нашъ фабрикантъ получилъ на 575 р. болѣе, то это, очевидно, потому, что въ нихъ заключается новая стоимость, которой прежде не было, которую добавили работники собственнымъ *неоплаченнымъ* трудомъ. Мы видимъ, слѣдовательно, что 575 р. дохода произошли изъ неоплаченнаго труда, изъ созданной рабочими прибавочной стоимости. Эти работники получили отъ фабриканта 303 75 к. за недѣльный трудъ, а въ недѣлю они не только отработали свою плату, но и добавили къ хлопчатой бумагѣ 575 р. неоплаченнаго труда. Каждый изъ нихъ получаетъ въ день 37½ к. и не только возвращаетъ ихъ, возвышая своимъ трудомъ стоимость хлопчатой бумаги, но и прибавляетъ еще новой стоимости (*прибавочной стоимости*) 58½ к. Слѣдовательно, неоплаченный трудъ продолжается болѣе, чѣмъ въ полтора раза дольше, чѣмъ оплаченный, работникъ въ полтора раза больше работаетъ на фабриканта, нежели на себя.

Прибавочная стоимость болѣе, чѣмъ въ полтора раза больше оплаченнаго труда, или, какъ гово

рятъ, мѣра прибавочной стоимости есть $1^1/_2$ (или 150 проц.)*). Теперь, кажется, я васъ вполнѣ убѣдилъ, что не всякій доходъ получается съ собственнаго труда: мы видѣли, по крайней мѣрѣ, что фабрикантъ получаетъ свой доходъ не со своего труда, а съ чужого.

Ну, а мастера, помѣщики, чиновники, купцы и т. п., что же можно сказать объ ихъ доходѣ? Начнемъ съ мастеровъ.

Вы, конечно, знаете, что большая часть обуви у насъ приготовляется въ частныхъ мастерскихъ, въ которыхъ мастеръ наблюдаетъ за работой, подмастерья работаютъ за плату, а ученики даромъ. Что мастеръ зарабатываетъ на ученической работѣ и получаетъ съ нея прибыль, объ этомъ знаютъ даже малыя дѣти. Здѣсь мы говоримъ объ оплаченной работѣ подмастерья.—Вы знаете, какъ тяжелъ трудъ сапожника. Согнувшись на своемъ стулѣ, въ душной, темной комнатѣ, онъ долженъ работать 15, 16 час., чтобы только заработать на собственное существованіе. Платятъ ему поштучно, по 90 к. за пару штиблетъ. При благопріятныхъ условіяхъ, хорошій подмастерье въ 15 час. можетъ сдѣлать двѣ пары штиблетъ и получитъ за свой трудъ 1 р. 80к.

---

*)Мѣра прибавочной стоимости есть, слѣд. отношеніе между неоплаченнымъ трудомъ и трудомъ оплаченнымъ. Такъ если работникъ работаетъ на себя 4 ч., а восемь на капитал., то неоплаченный трудъ въ 2 раза болѣе оплаченнаго, и мѣра прибавочной стоимости равняется 2 или 200%. Если онъ 6 ч. работаетъ на себя и 6 на капиталиста, то мѣра прибавочной стоимости равняется 1 или 100%.

Посмотримъ теперь, откуда берется заработокъ мастер

Кожа, резина, подошвы на одну пару штиб летъ стоятъ отъ 2 р. 10 к. до 2 р. 55 к. остально матеріалъ (дратва, шило, гвозди и т. п.) 10 к., по мѣщеніе, положимъ 10 к.*), трудъ подмастерья 90 к —Если нашъ подмастерье получалъ за свой труд все, что ему слѣдуетъ, то въ парѣ штиблетъ дол жны были бы заключаться: стоимость матеріала (ко жа, резина, подошвы) на 2 р. 55 к. стоимость по мѣщенія на 10 к., стоимость труда подмаст. на 90 к. такъ что штиблеты должны были стоить 3 р. 65 к Между тѣмъ мастеръ продаетъ пару штиблетъ з 5 р., т. е. на 1 р. 35 коп. дороже.

Откуда же взялись эти 1 р. 35 к.? очевидно ихъ не было ни въ подошвахъ, ни въ гвоздяхъ, н въ квартирѣ; эту новую стоимость могли создат только работники.

Итакъ, нашъ подмастерье за 90 к., кромѣ о плаченнаго труда добавилъ мастеру на 1 р. 35 к труда неоплаченнаго, т. е. прибавочной стоимости которой и пользуется, разумѣется, только мастер Опять, слѣд., неоплаченный трудъ въ полтора ра за больше оплаченнаго, опять мѣра приб. стоимост 1½ или 150 проц. Работникъ изъ 15 ч. ежеднев наго труда работаетъ на себя только 5 ч., а 10 от даетъ мастеру, обогощая его.

*) Разумѣется, помѣщеніе стоитъ гораздо дороже, можетъ бы 9 р., можетъ быть руб. 15 и болѣе, но въ этомъ помѣщеніи зан товляютъ не одну пару сапогъ, а 50, 100 и болѣе въ мѣся поэтому, на каждую пару приходится за помѣщеніе несравне но меньше, положимъ 10 коп.

Теперь вы видите, какъ получаетъ свой доходъ мастеръ. Собственнымъ-ли трудомъ? Очевидно, нѣтъ. Точно также, какъ фабрикантъ, онъ можетъ обогатиться только чужимъ трудомъ, только трудомъ своихъ работниковъ и мастеровыхъ.

Вы видите теперь, сколько вѣры заслуживаютъ люди, которые разсказываютъ чудеса о богатствахъ, нажитыхъ *собственнымъ трудомъ*; вы знаете теперь, что позорно лгутъ тѣ, которые говорятъ, что фабр-ты собствен. трудомъ нажили себѣ богатства.

V.

А купцы, помѣщики, чиновники и т. д.?

Сейчасъ дойдемъ и до нихъ. И чтобы выяснить себѣ, откуда берется ихъ доходъ, какимъ трудомъ они себя содержатъ, возьмемъ примѣръ.

Положимъ, что какой-нибудь фабрикантъ вложилъ въ свое предпріятіе 150 тыс. р. Какое это предпріятіе, для насъ все равно, скажемъ, хоть свеклосахарный заводъ. Нашъ фабрикантъ купилъ машины, свекловицу, другіе нужные матеріалы, нанялъ рабочихъ и, по окончаніи года, получаетъ за сахаръ 195 тыс. р. Такимъ образомъ, фабрикантъ получаетъ 45 тыс. р. дохода со своего капитала въ 150 тыс. р. Мы уже знаемъ, что эти 45 тысячъ рублей есть неоплаченный трудъ работниковъ или прибавочная стоимость.

Фабрикантъ охотно удержалъ бы себѣ весь этотъ доходъ: хотя онъ и не стоитъ ему никакого труда, но разставаться съ деньгами—все же трудновато.

Но много и другихъ охотниковъ до отобранной

у работниковъ прибавочной стоимости. Всякій хотѣлъ бы хоть сколько-нибудь опустить въ свой карманъ, попользоваться хоть каплей рабочаго трудового пота. Прежде всего протягиваетъ свои руки купецъ. Фабрикантъ безъ купца ничего не можетъ, потому что онъ знаетъ, что не получитъ никакой прибыли съ своего товара, пока этотъ товаръ лежитъ у него въ магазинѣ: сначала надо продать товаръ, промѣнять его на деньги, и только тогда можно сказать, что дѣло сдѣлано. Нужно, значитъ, искать *купца*, чтобы продать ему товаръ.

Является купецъ; онъ готовъ купить товаръ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы продавецъ сдѣлалъ ему уступку на нѣсколько проц. Фабрикантъ на это не согласиться не можетъ, уступаетъ ему, положимъ, 10 к. съ рубля и продаетъ ему свой сахаръ не за 195 тыс. р., а за 187500 р., Прибыль фабриканта уменьшилась, часть ея попала въ карманъ купца, но за то теперь въ карманѣ фабриканта лежатъ чистыя денежки. Купецъ же получилъ при этомъ 7500 р. Какимъ образомъ получилъ онъ этотъ доходъ? Собственнымъ трудомъ? Понятно, нѣтъ. Его прибыль есть только часть прибыли фабриканта, и поэтому, и она есть часть неоплаченнаго труда рабочихъ. И купецъ, слѣдовательно, содержитъ себя чужимъ трудомъ, трудомъ фабричныхъ рабочихъ.

За купцомъ идетъ помѣщикъ. Нашъ фабрикантъ построилъ себѣ фабрику на помѣщичьей землѣ. Бываетъ, правда, что строятъ фабрики на собственной землѣ, но часто и на чужой. Владѣлецъ земли желаетъ за это получить плату, такъ называемую ренту

Что тутъ подѣлаешь, думаетъ себѣ фабрикантъ, — коли надо платить, такъ плати. И отдаетъ ему изъ своей прибыли 3 тыс. руб. ренты.

Итакъ, откуда же является доходъ землевладѣльца? Очевидно, тоже изъ фабриканта, а слѣд., опять-таки изъ неоплачен. труда фабр. рабочихъ*).

У нашего фабриканта осталось только 34500 руб прибыли. Но и теперь ещё онъ не можетъ положить всѣ эти деньги въ свой карманъ. Мы уже говорили, что на устройство своей фабрики онъ истратилъ 150 тыс. р. Эти 150 тыс. могли быть его собственные, но могли быть также взяты у кого-нибудь взаймы. Вѣдь много есть богатыхъ людей, которые, вмѣсто того, чтобы заниматься какими-нибудь предпріятіями, отдаютъ свои деньги въ ростъ и прибавляютъ ежегодно получаемые проц. къ своему капиталу. У одного изъ такихъ *капиталистовъ* и могъ занять деньги нашъ фабрикантъ. Допустимъ, что капиталистъ далъ ему нужные 150 тыс. руб. по 6 проц. Тогда фабрикантъ отдаетъ ему изъ своей прибыли 9 тыс. р. капиталисту. Ему остается только 25500 р. Капиталистъ же изъ чужого кармана перекладываетъ въ свой 9 тыс. р. Но изъ чьего кармана? На первый взглядъ кажется, что изъ кармана фабриканта, на самомъ же дѣлѣ и эти 9000 взяты у рабоч., изъ ихъ неоплаченнаго труда.

*) Мы говоримъ здѣсь о такомъ землевладѣльцѣ, который самъ не ведетъ хозяйства. Такой же землевладѣлецъ, который ведетъ собственное хозяйство, тоже содержитъ себя трудомъ работниковъ, но своихъ собственныхъ, т. е. трудомъ наемниковъ: пахарей, косарей и т. п.

Итакъ, фабриканту остается 25500 р., но этимъ остаткомъ онъ не можетъ вполнѣ распоряжаться по своему усмотрѣнію. Правительство также хочетъ получить долю изъ этой добычи. И оно правъ. Оно затѣмъ только и существуетъ, чтобы защищать богатыхъ и притѣснять бѣдныхъ. Правительство имѣетъ войско и полицію только для того, чтобы держать бѣдняковъ въ повиновеніи. Когда рабочіе собираются, сговариваются и требуютъ, чтобы фабрикантъ повысилъ заработную плату, то правительство посылаетъ войско и жандармовъ для усмиренія „бунтовщиковъ“. Когда фабриканты двухъ странъ спорятъ о томъ, кому изъ нихъ ввозить свои товары въ третью страну, то правительства высылаютъ свои войска и грозятъ войною, если не исполнятъ требованій ихъ фабрикантовъ. А когда рабочіе начинаютъ волноваться, когда они возвышаютъ голосъ въ защиту своихъ правъ и требуютъ справедливости отъ купцовъ и фабрикантовъ, тогда правительства даже ищетъ войны, чтобы только удалить изъ страны эти „безпокойные головы“. Вы видите, слѣдовательно, какія значительныя услуги правительства оказываетъ богачамъ и фабрикантамъ. Но этого мало; для кого открываетъ оно университеты, улучшаетъ города, строитъ театры? Не для бѣдныхъ-ли? О, нѣтъ! Бѣдные не могутъ посылать своихъ дѣтей въ школу, имъ некогда думать о театрѣ! Все это вмѣстѣ взятое, и правительство, и полиція, и войско и театръ,—все это существуетъ для богатыхъ, для «господъ». На все это правительству нужно много денегъ, собираемыхъ въ видѣ податей. Сколько для

негъ идетъ на одно войско! А на полицію, а на тысячи чиновниковъ, большихъ, малыхъ и маленькихъ, а на министровъ, царей, царицъ, царевенъ и чертъ знаетъ еще на кого!

Больше всего податей платятъ сами бѣдняки, рабочіе. Но немного также даютъ фабриканты и капиталисты: всякій изъ нихъ считаетъ своею обязанностью платить деньги правительству, какъ своему слугѣ. И нашъ фабрикантъ кое-что удѣляетъ правительству изъ своего дохода. Онъ вноситъ въ видѣ податей, положимъ, 500 р. Легко понять, что и эту подать заплатили рабочіе, потому что ни одинъ фабрикантъ ничего своего не имѣетъ, а раздаетъ только *прибавочную стоимость, неоплаченный трудъ работника.*

Нашему фабриканту остается еще 25 тыс. р. Изъ нихъ идетъ 750 р. на жалованье директору фабрики, 1500 р. въ страховое общество и 2250 р. разной другой братіи. Остается 20500 р. чистаго дохода, съ которыми фабрикантъ уже можетъ дѣлать, что ему угодно. И весь свѣтъ будетъ говорить, что эти 20500 р. его «собственность», которую онъ пріобрѣлъ «собственнымъ трудомъ».

Фабрикантъ съумѣетъ пожить на эти денежки! Онъ не станетъ считать, сколько ему надо для поддержанія своего существованія, какъ онъ дѣлаетъ это по отношенію къ работнику, а будетъ жить и тратить деньги, какъ ему вздумается. Театры, балы, шампанское, кареты, роскошь въ домѣ, роскошь за столомъ! Жить вообще можно, потому что въ карманѣ неоплаченный рабочій трудъ! Неопла-

ченнаго труда хватитъ на все: имъ будутъ жить и служащіе фабриканта, его содержанки, лакеи и т. п. А деньги, остающіяся послѣ удовлетворенія его причудъ и потребностей, фабрикантъ прибавитъ къ своимъ тысячамъ, чтобы еще болѣе попользоваться чужимъ трудомъ, поживиться чужой прибавочной стоимостью.

VI.

Теперь мы уже можемъ дать полный отвѣтъ на вопросъ, поставленный въ заглавіи и началѣ книжки.

Кто чѣмъ живетъ? Кто своимъ и кто чужимъ трудомъ? Кто чѣмъ себя содержитъ, трудомъ-ли своихъ или чужихъ рукъ?

Теперь мы могли бы раздѣлить всѣхъ людей на три разряда. Къ первому разряду принадлежатъ люди, работающіе на себя и содержащіе себя собственнымъ трудомъ; къ нему принадлежатъ всѣ ремесленники, у которыхъ есть собственныя орудія производства и всѣ крестьяне, имѣющіе столько земли, что они могутъ существовать соб. трудомъ.

Другой разрядъ. Это рабочіе, у которыхъ нѣтъ собственныхъ орудій производства, и крестьяне, у которыхъ слишкомъ мало земли или совсѣмъ нѣтъ земли, и которые должны продавать себя, свою рабочую силу. Къ этому разряду мы причисляемъ всѣхъ подмастерьевъ, фабричныхъ, батраковъ, наемниковъ и т. п.

А третій разрядъ составляютъ тѣ, которые имѣютъ орудія производства, но сами не работаютъ, а заставляютъ работать другихъ. Эти на себя не ра-

богатѣютъ, а содержатъ себя и богатѣютъ чужимъ трудомъ, прибавочной стоимостью, отнятой у другихъ людей. Сюда принадлежатъ фабр-ты, мастера, помѣщики, купцы, министры, и многіе изъ чин-овъ.

А теперь я спрошу васъ, справедливо-ли это? Справедливо ли такое раздѣленіе на праздныхъ богачей, и трудящихся бѣдняковъ? Да или нѣтъ?

* * *

Мы уже видѣли въ первой половинѣ нашей книги, каковы нынѣшніе порядки: небольшая горсть людей живетъ и роскошествуетъ на счетъ труда всего народа. Но почему это такъ? Потому что эта масса народа не свободна, потому что она принуждена продавать свою рабочую силу, продавать себя.

Но почему же она принуждена продавать себя? Потому что у нея нѣтъ орудій труда. А мы уже видѣли, что тотъ, кто не имѣетъ орудій труда, долженъ продавать себя, иначе онъ умретъ съ голоду. Слѣд., если хотимъ исправить, улучшить, измѣнить теперешній порядокъ, если хотимъ устранить нужду однихъ и роскошь другихъ, то что должны мы сдѣлать? Очевидно, устроить такъ, чтобы каждый имѣлъ свои собственныя орудія труда. Тогда каждый будетъ работать на себя. Никто не будетъ работать на другихъ, никто не будетъ отдавать прибавочной стоимости изъ своего труда. Тогда никто не станетъ покупать людей, ихъ рабочую силу, никто не будетъ отнимать прибавочной стоимости, никто не сможетъ обогатиться трудомъ другихъ, ни-

кто не будетъ содержать себя чужимъ трудомъ.

—Устроить такъ, чтобы каждый имѣлъ орудія труда? Но какъ это устроить? Въ этомъ то вся задача,—замѣтите вы мнѣ.

— Какъ устроить? Очень просто: отобрать орудія труда у тѣхъ, у которыхъ ихъ слишкомъ много и отдать на пользованіе трудящемуся люду.

— Отобрать силой!! Да помилуйте, какъ же это отобрать? Развѣ это можно? Развѣ это мыслимо? Развѣ это нравственно?

Возможно-ли это, мыслимо-ли, нравственно-ли,— вотъ 3 вопроса, на котор. мы постараемся дать отвѣты

I.

Посмотримъ сначала, возможно-ли? Возможно-ли, чтобы у каждаго работника, у каждаго человѣка были свои орудія труда?

Не такой это простой вопросъ, какъ могло бы показаться. Съ перваго взгляда кажется, что это вещь вовсе не трудная. Вѣдь было же когда то такъ, что у каждаго почти работника была собственная мастерская, въ которой онъ самъ былъ господиномъ.

Въ старину—точно такъ было. Но тогда людей на свѣтѣ было сравнительно мало. Въ томъ городѣ, въ которомъ 200 лѣтъ тому назадъ было 500 тыс. жителей, теперь 4 милліона (Лондонъ въ Англіи); страна, въ которой 200—300 лѣтъ тому назадъ было 2 милл. жителей, теперь быть можетъ 8—10 м. и больше, гдѣ прежде доставало на всѣхъ 1000 паръ сапогъ, теперь надо милл., гдѣ прежде потреблялось милл. аршинъ полотна, теперь требу-

ется въ 10, въ 20 разъ больше. Слѣдовательно, въ старину, «въ доброе старое время»,—хотя оно далеко было не такъ хорошо, чтобы желать его возвращенія,—ткачъ, работавшій съ женой и съ дѣтьми въ своей мастерской, или слесарь, который заготовлялъ замки у себя на дому, не могли много заготовлять ни полотна, ни замковъ. Работали мало, потому что и спросъ былъ не великъ; ткачъ ткалъ свое полотно на плохомъ станкѣ, слесарь выдѣлывалъ свои замки при помощи плохихъ орудій.

Теперь ткачъ долженъ непремѣнно ткать съ помощью машинъ. Если бы онъ хотѣлъ ткать полотно на станкѣ, то это было бы все равно, какъ если бы кто-нибудь захотѣлъ ѣхать на лошадяхъ туда, куда проложена желѣзная дорога. Онъ долженъ бы былъ истратить можетъ быть 100 час. на то, что при помощи машины сработалъ бы въ одинъ часъ.

Въ настоящее время требуется много, очень много продуктовъ. Необходимы большія фабрики, паровыя машины, большіе магазины, чтобы произвести необходимое количество продуктовъ. Въ настоящее время, напр., въ одной Англіи 450 087 рабочихъ ткутъ хлопчатую бумагу на 33 милліонахъ веретенъ. И если бы у каждаго работника была своя мастерская, свое веретено, т. е. если бы каждый былъ самостоятельнымъ работникомъ, то всѣ вмѣстѣ не сработали бы и двадцатой части того, что вырабатывается теперь. Вездѣ чувствовался бы недостатокъ въ бумажныхъ тканяхъ и даже наши крестьянки стали бы жаловаться на такіе порядки. Вы видите теперь, что не такъ то легко и не всег-

да возможно, чтобы у каждаго была своя собствен
ая мастерская, свои собственныя орудія труда. Н
было бы, правда, притѣсненій рабочихъ, но за т
вездѣ былъ бы недостатокъ въ самыхъ необходи
мыхъ товарахъ, нужда и даже голодъ.

Да, голодъ! какъ вы сами сейчасъ убѣдитес
Въ настоящее время въ Англіи, напр., почти нѣт
работниковъ, у которыхъ были бы собственныя ору
дія труда. Крестьянъ же, которые обрабатывали б
свою собственную землю, и вовсе нѣтъ. Тамъ ест
только крупные землевладѣльцы, у которыхъ ест
огромныя имѣнія, паровые плуги, паровыя машин
для жнитва и молотьбы, и которые нанимаютъ сель
скихъ работниковъ для обработки своихъ полей.

У сельскихъ же работниковъ нѣтъ ничего: н
полей, ни орудій труда, ни даже собственной хаты
они должны, слѣд., продавать себя въ рабство го
подамъ и отдавать имъ свой дабавочный трудъ.

Такимъ работникамъ приходится плохо, очен
плохо. Невообразимый ужасъ вызываетъ звѣрство
алчность англійскихъ землевладѣльцевъ, когда чи
таешь въ книжкахъ описаніе бѣдственнаго положе
нія англійскихъ сельскихъ работниковъ.

Но какъ вы думаете, если бы каждому изъ них
былъ данъ особый клочекъ земли? Выигралъ бы от
этого весь англійскій народъ? Вовсе нѣтъ. Въ 187
году Англія нуждалась для своего продовольствія в
22 мил. квартеровъ хлѣба (1 квартеръ равняется
75 гарнцамъ). На англійской землѣ родится тольк
13 мил. квартеровъ хлѣба, такъ что 9 мил. на
привозить изъ заграницы. Если бы земля была п

дѣлена на малые участки, на которыхъ нельзя было бы примѣнить ни паровыхъ плуговъ, ни сѣялокъ, ни вѣялокъ, то не только не собралось бы 13 мил. квартеровъ, но, пожалуй, и пяти—шести. Тогда въ Англіи начался бы голодъ.

Вы видите, значитъ, что въ настоящее время нельзя, чтобы каждый имѣлъ свои собствен. орудія труда!

Но какъ же быть? Не имѣть своихъ собственныхъ орудій труда—плохо, потому что приходится продавать свою рабочую силу, продавать себя, обогащать другихъ; ихъ имѣть—опять таки плохо, потому что тогда будетъ нужда, голодъ. Что дѣлать? Гдѣ выходъ? Выходъ есть и очень хорошій. Почему бы не устроить и впередъ такъ же, какъ и теперь. Гдѣ работники работаютъ вмѣстѣ на большихъ фабрикахъ и на большихъ участкахъ земли, пусть и впередъ работаютъ вмѣстѣ, сообща. Но пусть они не дѣлятъ ни орудій, ни земли, пусть цѣлыя фабрики принадлежатъ работникамъ, и не одному изъ нихъ, а всѣмъ. Пусть всѣ фабрики и вся земля принадлежитъ всѣмъ работникамъ, всѣмъ крестьянамъ, пусть то будетъ ихъ общая*) собственность. Пусть работаютъ они сообща, но не на фабрикантовъ, а на себя. Тогда и сдѣлаютъ они не меньше, чѣмъ теперь, а гораздо больше. Каждый будетъ знать, что работаетъ не на праздпаго фабриканта, а на всѣхъ своихъ товарищей, которые тоже работаютъ на него. Тогда работникъ пойметъ, что если онъ будетъ работать

*) Т. е. государственная.

дольше, чѣмъ слѣдуетъ на фабрикѣ, то прибавочный трудъ, прибавочная стоимость будетъ служить всѣмъ, не пойдетъ на обогащеніе горсти людей, а улучшитъ судьбу всѣхъ и каждаго.

Итакъ, слѣдовательно, помочь работникамъ можетъ только *общественная собственность на землю и фабрики.*

II.

А теперь спросимъ себя, удастся ли это? Можно ли надѣяться, что эта общая собственность на землю и на орудія труда осуществится на дѣлѣ? Возможно ли, чтобы каждый былъ себѣ господиномъ? Всегда были бѣдные и богатые, всегда и вездѣ была масса людей угнетенныхъ и горсточка угнетателей. Всегда были люди, которые находили такой порядокъ несправедливымъ, а однако ничто не помогло: всегда бѣднымъ было плохо, а богатымъ хорошо.

А теперь, развѣ число бѣдняковъ не становится все больше и больше, развѣ страшная нужда не охватываетъ рабочихъ всѣхъ странъ, развѣ роскошь и своеволіе тунеядцевъ не ростетъ часъ отъ часу?

Все это правда, сущая правда, но все таки это не можетъ лишить насъ надежды; наоборотъ, изъ этого-то мы и можемъ видѣть, что близокъ конецъ нынѣшняго порядка. Дѣло вотъ въ чемъ.

Число бѣдняковъ, не имѣющихъ никакой собственности, постоянно увеличивается и будетъ увеличиваться. Противъ этого ничего не подѣлаешь при нынѣшнихъ порядкахъ. Ремесленникъ, отправляя свой товаръ на рынокъ, желаетъ получить за него

какъ можно больше; и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: онъ трудился надъ нимъ, какъ только могъ. Но какая ему польза отъ его труда? Фабрикантъ, заготовляющій тотъ же товаръ на фабрикѣ, употребляетъ на его выдѣлку гораздо меньше труда*). Если мы допустимъ, что слесарь провозится надъ замкомъ 3 часа, то на фабрикѣ такой же замокъ сдѣлаютъ въ часъ, а то и скорѣе. Слесарь захочетъ взять за свой замокъ 30 коп. (если часъ труда стоитъ гривенникъ), фабрикантъ же продастъ его за 10 к. Разумѣется, никто не станетъ покупать у слесаря, и слесарь, не будучи въ состояніи сбывать свои товары, продастъ свой станокъ и пойдетъ продавать свою рабочую силу фабриканту.

Что сказано о слесаряхъ, примѣняется ко всѣмъ другимъ ремесленникамъ: съ машинами и фабриками они тягаться не могутъ и рано или поздно должны сдѣлаться наемными рабочими. Такимъ то образомъ все большее и большее число людей лишается своей свободы и поневолѣ продаетъ свою рабочую силу. Если бы рабочіе имѣли, по крайней мѣрѣ, постоянную плату, на которую могли бы разсчитывать, то, пожалуй, имъ можно было бы какъ нибудь прожить на свѣтѣ. Но до этого далеко! Рабочая плата, напротивъ, понижается постоянно, между тѣмъ какъ прибыль фабриканта все увеличивается.

Постараемся объяснить это понятнѣе. Припомнимъ, откуда берется прибыль фабриканта: *работникъ отдаетъ ему свой добавочн. трудъ*, потому что только одну часть дня работникъ трудится на

*) Конечно, не своего; здѣсь говорится о трудѣ его рабочихъ.

себя, а остальную часть онъ трудится на фабриканта. Если, напримѣръ, фабрикантъ держитъ 20 рабочихъ, платя имъ по 90 к. въ день, то платитъ столько потому, что именно столько необходимо на поддержаніе ихъ существованія (на пищу, одежду, квартиру). Работники послѣ 6-часоваго труда уже отрабатываютъ эти 90 к., а остальную часть дня работаютъ даромъ и такимъ образомъ даютъ фабриканту даромъ 90 к. новой стоимости въ день (если допустить, что рабочій работаетъ всего 12 ч. въ день). И если ихъ 20 человѣкъ и работаютъ они, допустимъ, 333 дня въ году, то въ годъ они приносятъ хозяину 6000 руб. (20 . 90 . 333). Очевидно, что чѣмъ больше своего труда отдаютъ работники, тѣмъ больше будетъ прибыль фабриканта; такъ что, если вмѣсто 6 ч. ежедневно, работники отдавали бы ему 8 ч., то прибыль хозяина была бы не 6 т., а 7200 руб.

Такъ оно и есть въ настоящее время, работники принуждены отдавать все большую и большую часть рабочаго дня фабрикантамъ.

Какъ это такъ? А очень просто. Почему взятый нами для примѣра работникъ получаетъ въ день 90 коп.? Потому что столько ему необходимо на поддержаніе своей жизни (на пищу, одежду, квартиру). Работая 6 час. за плату, рабочій остальную часть дня (т. е. 6 ч.) работаетъ даромъ.

Если бы случилось такъ, что для прокормленія и вообще для жизни рабочаго довольно было бы 4 ч. труда вмѣсто 6, то заработная плата была бы уже не 90, а только 60 коп. Работникъ трудился бы на себя только 4 часа, а 8 ч. работалъ бы въ пользу

фабриканта, отдавая ему весь прибавочный трудъ, всю прибавочную стоимость.

Такъ въ дѣйствительности и происходитъ. Но по мѣрѣ того, какъ вездѣ вводятся машины, съ которыми скорѣй можно производить всякій предметъ, все меньше и меньше труда требуется на изготовленіе тѣхъ предметовъ, въ которыхъ нуждается работникъ. Прежде рубаха стоила 2—3 дня труда, теперь только 1 день, а то и меньше; прежде какой нибудь сюртукъ стоилъ, напримѣръ, 10 дней труда, теперь не стоитъ и трехъ.

Слѣдовательно, работнику въ настоящее время не приходится работать на себя (чтобы отработать свою плату) такъ долго, какъ въ прежнее время. Прежде онъ долженъ былъ работать на себя 6 час. тамъ, гдѣ теперь довольно 4-хъ. Но пользы отъ этого ему нѣтъ никакой. Прежде изъ 12-ти часовой ежедневной работы онъ трудился на себя 6 ч., а остальные 6 час. отдавалъ фабриканту; теперь для него достаточно 4 час., слѣдовательно, фабриканту остается 8. Рабочій трудится по прежнему, выигрываетъ одинъ фабрикантъ. Прежде работникъ работалъ на себя 6 час., а остальные 6 употреблялъ на созданіе прибавочной стоимости; мѣра этой прибавочной стоимости (т. е отношеніе между неоплаченнымъ трудомъ и трудомъ оплаченнымъ) равнялась 1 или 100 проц.; теперь необходимый для рабочаго трудъ продолжался 4 ч., прибавочная стоимость занимаетъ 8 ч. и мѣра ея будетъ 2 или 200 проц. Теперь вездѣ, во всѣхъ отрасляхъ промышленности вводятся машины. Съ ними и работа идетъ успѣш-

нѣе. Потому и время, необходимое работнику го поддержаніе своего существованія, постоянно умень шается, время же, приходящееся на долю фабрика та, все увеличивается. Мѣра прибавочной стоимо также все возрастаетъ.

Теперь мы видимъ, почему работники должн бѣднѣть, а фабриканты—богатѣть.

—Ну, въ этомъ немного отраднаго, скажете мнѣ. Если такъ д о л ж н о быть, то какъ же надо ятся намъ на улучшеніе своего положенія?

«Нѣтъ худа безъ добра», говоритъ пословиц Такъ въ постоянномъ повышеніи мѣры прибавочн стоимости есть много хорошаго. Прежде всего, хо рошо то, что работникъ можетъ содержать себя и с съ меньшей и меньшей затратой труда. Теперь, ког да весь почти трудъ остается хозяину, работнику отъ этого не много выигриваетъ, но со временем когда не будетъ хозяевъ, это уменьшеніе необходи маго труда будетъ для него очень важно.

А кромѣ того, я долженъ упомянуть здѣсь еще объ одной вещи, о которой до сихъ поръ не гово рилъ ничего. Какъ вы думаете, всѣ-ли фабрика ты обогащаются чужимъ трудомъ? Далеко не вси всѣ обогащаться не могутъ: каждый изъ нихъ ста рается разорить другого. Одинъ старается приготов вить на продажу какъ можно больше товара, напр ситцу, другой посылаетъ этого товара еще больше третій больше ихъ обоихъ, и каждый изъ нихъ дол женъ продавать какъ можно дешевле, если не хо четъ, чтобы его товаръ залежался. Наконецъ, сит цу доставляется на рынокъ такъ много, что на н

го нѣтъ ужъ и покупателей, а фабриканту безъ покупателей не далеко и до банкротства. Только очень богатые могутъ долго выжидать спроса и продолжать производство, а менѣе богатые разоряются до чиста и разоряютъ тысячи работниковъ, которые у нихъ работали, оставляя ихъ безъ куска хлѣба. И это повторяется черезъ каждые 8-10 лѣтъ. Каждые 8-10 лѣтъ погибаетъ множество мелкихъ фабрикантовъ, выбрасывается на улицу масса работниковъ, богатѣютъ же только нѣсколько крупныхъ фабр-овъ.

Что же изъ этого слѣдуетъ? Очень многое. Фабрикантовъ и богатыхъ вообще становится все меньше и меньше, бѣдняковъ же рабочихъ—все больше и больше; богатства скопляются въ рукахъ все меньшаго числа лицъ, нужда же обнимаетъ все большую и большую часть жителей.

Работники видятъ, что фабрикантовъ становится все меньше и меньше, что хотя богатства ихъ и ростутъ, но число ихъ все уменьшается, такъ что если, что фабриканты выигрываютъ на богатствѣ, то теряютъ на силѣ. Рабочіе же на фабрикахъ привыкаютъ къ совмѣстному труду, видятъ собственными глазами, какъ выгодно работать сообща, какъ при этомъ сохраняется время и лучше становятся издѣлія. Видятъ они собственными глазами, какъ не хорошо, когда всѣ орудія труда принадлежатъ одному собственнику, который не только самъ не работаетъ, но часто не имѣетъ понятія о томъ, какимъ образомъ выдѣлываются производимые у него продукты.

При томъ на фабрикахъ работники привыка-

ютъ стоять другъ за друга: они видятъ, что работникъ братъ работнику, что у нихъ всѣхъ есть общій врагъ, который живетъ ихъ трудомъ, и они понимаютъ, что для побѣды надъ нимъ необходимо соединиться и помогать другъ другу.

Конечно, у многихъ рабочихъ зарождалась мысль: а чего ради мы, въ самомъ дѣлѣ, работаемъ на одного? Насъ такъ много, онъ же—одинъ; мы работаемъ на себя, а онъ отнимаетъ нашъ трудъ. Если бы фабрики были наши, то все бы пошло иначе: мы не гнались бы за прибылью, но заботились бы лишь о поддержаніи нашего существованія. Мы бы работали съ пользой для всѣхъ, онъ же работаетъ только для себя, на убыль всѣмъ. Почему бы не сговориться всѣмъ работникамъ, почему бы имъ не *отобрать отъ всѣхъ хозяевъ землю и фабрики*?

III.

Но справедливо-ли будетъ это?

Не нюсь для табакерки, а табакерка для носа. Не для того люди на свѣтѣ, чтобы производить какъ можно больше продуктовъ, а продуты на свѣтѣ, чтобы удовлетворять нужды людей. Работники создаютъ продукты, они же должны ими пользоваться, а для этого имъ необходимы орудія труда, принадлежащіе теперь фабрикантамъ. А если вамъ кто скажетъ, что собственность священна, что посягать на нее нельзя, то можете отвѣтить коротко и ясно. Вѣдь цѣлыя сотни лѣтъ ежедневно и ежечасно обкрадывали насъ, пили нашъ потъ и нашу кровь. Мы теперь беремъ только *свое*: фабрики построены нашими

ми руками, все, что вышло изъ нашихъ рукъ, должно принадлежать намъ. Не хотимъ болѣе обогащать другихъ своимъ трудомъ!

IV.

Теперь остается одинъ, самый важный вопросъ: какимъ образомъ отобрать фабрики и земли, какъ этого достигнуть? Это ужъ ваше дѣло. Надъ этимъ вы сами должны поразмыслить. Когда въ прежнія времена рѣчь заходила о томъ, чтобы освободить страну изъ неволи, когда надо было изгнать врага, тогда обращались къ вамъ, работники, и тогда вы могли спросить: «освободить родину, изгнать врага мы готовы, но какъ это сдѣлать?» Теперь же идетъ дѣло только о васъ самихъ, о вашихъ семьяхъ, о вашихъ братьяхъ, а собственное дѣло надо умѣть дѣлать самимъ. Помните, однако, всегда, что *только при общемъ владѣніи орудіями труда люди могутъ быть счастливы.* И если сотни людей будутъ говорить вамъ, что одинъ человѣкъ можетъ добиться всего самъ,—не вѣрьте этому.

Только соединяясь вмѣстѣ, общими усиліями, могутъ работники добиться своего освобожденія.

ПРИЛОЖЕНІЕ

Стоимость всякаго продукта опредѣляется количествомъ труда, затраченнаго на его производство (*т. е. на его изготовленіе*). Это признано всѣми учеными. Но у человѣка, не знакомаго съ на-

укой, можетъ явиться такая мысль:—если стоимость всякаго продукта будетъ тѣмъ больше, чѣмъ больше труда потрачено на его производство, то неумѣлый и неловкій сапожникъ, провозившійся надъ своими сапогами гораздо больше, чѣмъ нужно, получитъ за нихъ больше, чѣмъ опытный мастеръ, работающій хорошо и скоро. Но такое разсужденіе ошибочно. Наука говоритъ не о той излишней тратѣ времени и труда, которая происходитъ отъ неловкости рабочаго. Этотъ излишній трудъ—трудъ не нужный, затраченный им *безъ надобности*, только по неумѣнію. Наука говоритъ о трудѣ *необходимомъ*, безъ котораго обойтись невозможно. А этотъ *необходимый трудъ* также бываетъ не всегда одинаковъ. Всякому извѣстно, что на швейной машинѣ скорѣе можно шить, чѣмъ безъ машины. Пока не было швейныхъ машинъ, *трудомъ необходимымъ* на шитье, скажемъ, рубашки, былъ трудъ с р е д н і й (т. е. не самой хорошей и не самой плохой) швеи, работающей съ помощью иголки. Когда же были изобрѣтены швейныя машины, трудъ *необходим.* для шитья рубашки сталъ меньше, потому что на машинѣ ее можно сшить скорѣе. Швея, у которой нѣтъ машины, конечно, также долго, какъ и прежде провозится надъ рубашкой; но теперь нѣкоторая часть ея труда уже не будетъ считаться *необходим.* Какая именно часть? А вотъ какая. Если на машинѣ можно шить втрое скорѣе, чѣмъ безъ машины, то 3-я часть труда нашей швеи будетъ т р у д о м ъ н е о б х о д и м ы м ъ. Положимъ, что она провозилась съ рубашкой ш е с т ь ч., а на машинѣ можно было бы сшить ее въ 2 часа. Тогда ш е с т ь ч. т р у д а н а ш е

шей будут равняться только *двумъ ч. необходимаго труда*. Вотъ почему введеніе машинъ всегда разоряетъ ремесленн., работающихъ ручными инструментами.

Но это еще не конецъ. Чтобы мой трудъ былъ трудомъ необходимымъ, нужно, чтобы произведенные мною продукты были нужны обществу, *чтобы на нихъ былъ спросъ*, какъ говорятъ ученые. Возьмемъ хотъ ткацкое дѣло. Полотно и всякія ткани, конечно, нужны людямъ; это такой продуктъ, безъ котораго могутъ обходиться только дикари. Поэтому на полотна есть *спросъ*; трудъ ткача есть *трудъ необходимъ*. Но и тутъ дѣло зависитъ отъ того, работаетъ ли ткачъ на машинѣ или на ручномъ станкѣ. Въ настоящее время необходимымъ трудомъ ткача считается только тотъ трудъ, который необходимъ при тканьѣ машинами. Тотъ излишній трудъ, который потребуется при ручномъ станкѣ, не считается уже необходимымъ. Оттого то ткачи-кустари такъ бѣдствуютъ въ настоящее время.

Но положимъ, что нужно было 10 тыс. штукъ полотна, а приготовили 20 тыс. Выходитъ, что полотна приготовили вдвое больше, чѣмъ требовалось, значитъ, и труда на его производство истратили вдвое больше, чѣмъ нужно. Излишній трудъ не есть необходимый трудъ. Если половина всѣхъ сработанныхъ кусковъ была приготовлена безъ надобности, то и трудъ, затраченный на производство этой половины, будетъ трудомъ *мнимымъ*, а вовсе не необходимымъ. Если люди, приготовившіе полотно (сами ткачи или хозяева) станутъ продавать полотно всѣ разомъ, то стоимость полотна будетъ вдвое меньше, чѣмъ должна была бы быть, по настоящему. Каждый изъ нихъ понесетъ убы

токъ, каждый изъ нихъ увидитъ, что половину св его времени истратилъ даромъ, что его трудъ то ко на половину былъ трудомъ необходимымъ. Ес же половина людей, изготовившихъ полотно, ухи рится вывезти его на рынокъ прежде, чѣмъ прив зетъ его другая половина, то имъ, пожалуй, удас ся продать его именно сообразно съ количество труда, затраченнаго на его производство. Но тог другая половина „производителей“ полотна совсѣ не найдетъ покупщиковъ, ихъ трудъ окажется не лишнимъ; значитъ и стоимость ихъ полотна будет равна нулю, потому что на производство этого по лотна вовсе не затрачено *необходимаго* тру да. Но ихъ можетъ отчасти выручить дешевизн ихъ товаровъ. И вотъ какимъ образомъ.

Видя, что нѣтъ спроса на ихъ полотно, они бу дутъ, что называется, навязывать его покупателям будутъ все больше и больше понижать его цѣну. То да многіе изъ тѣхъ людей, которые изъ бѣдност не могли покупать полотна, когда оно продавалос по настоящей цѣнѣ, купятъ его теперь за безцѣнок Кромѣ того, нѣкоторые изъ зажиточныхъ людей по желаютъ купить его въ запасъ опять таки потому что соблазнятся дешевизной. Благодаря этому, на ши запоздавшіе продавцы полотна вернутъ кое что з своихъ «издержекъ производства», но безъ убытка безъ большаго убытка дѣло все таки не обойдется

Но кому же охота работать въ убытокъ, задаром Видя, что спросъ на полотно упалъ, люди, занима вшіяся его производствомъ, будутъ приготовлять ег меньше. Тогда поднимается его цѣна. Если полотн

приготовятъ на этотъ разъ ровно столько, сколько его требуется, то весь трудъ, затраченный на его производство, будетъ трудомъ необходимымъ. А если полотна приготовятъ меньше, чѣмъ требуется, то цѣна его возрастетъ еще больше, такъ что производители получатъ больше, чѣмъ слѣдуетъ. Тогда вмѣсто убытковъ они получатъ огромные барыши. Но на большіе барыши охотниковъ много. Явятся другіе производители полотна: они также вывезутъ его на рынокъ. Тогда цѣна опять упадетъ и т. д. Вотъ эти-то *колебанія цѣны* полотна и приводятъ къ тому, что если мы возьмемъ не 1 годъ и не 1 случай, а много лѣтъ и много случаевъ продажи полотна на рынкѣ, то увидимъ, что стоимость его опредѣляется количествомъ труда, необходимаго на его про-ство.

Тоже самое можно сказать объ всякомъ другомъ продуктѣ. Слѣдуетъ только помнить, что подъ количествомъ труда, необходимаго на производство какого нибудь продукта, нельзя понимать трудъ рабочаго одного какого нибудь ремесла. Такъ, напр., въ замкѣ заключается трудъ не только слесаря, но также и рудокопа, добывающаго желѣзную руду, рабочихъ, занимающихся выплавкою руды, изготовленіемъ полосового желѣза, перевозкой и т. д. Всѣ эти рабочіе способствовали приготовленію, если не самого замка, то матерьяла для него. А потому трудъ всѣхъ этихъ рабочихъ долженъ идти въ расчетъ при опредѣленіи стоимости замка.

Точно также, когда мы сравнивали трудъ швеи, не имѣющей такой машины, то для полноты нужно

было упомянуть еще вотъ о чемъ.

Сама швейная машина приготовлена трудомъ рабочихъ. Поэтому она также имѣетъ стоимость. Стоимость эта уменьшается отъ употребленія машины: поддержанная машина всегда дешевле новой. Но та стоимость, которая утрачена швейной машиной, переносится на сшитыя, съ ея помощью, вещи. И это понятно. Въ рубашкѣ, сшитой на машинѣ, заключается, между прочимъ, трудъ рабочихъ, сдѣлавшихъ машину. Значитъ, если говорить совсѣмъ точно, то шесть часовъ труда швеи, работающей безъ машины, не будетъ равняться, — какъ мы сказали —двумъ часамъ необходимаго труда. Работая безъ машины, она не переноситъ на сшитую ею рубашку той стоимости, которую теряетъ эта машина отъ употребленія. Поэтому, хотя она шьетъ втрое медленнѣе, чѣмъ шила бы на машинѣ, но шесть час. ея труда будутъ равняться уже не двумъ, а— скажемъ— двумъ съ четвертью или двумъ съ половиною часамъ необходимаго труда. Само собой разумѣется, что эта маленькая разница не улучшитъ ея бѣдственнаго положенія, происходящаго отъ введенія машинъ.

